

«Выборы-не-выборы» или о «политике спокойной руки», о «кормушке», «поголовье» и «механизаторах от колеса»

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

«Динамическое развитие академической науке в нашем городе происходит на фоне еще более динамического процесса социальных, экономических и политических изменений во всей стране – на фоне Перестройки.

Я бы охотно сказал «на фоне и в фарватере Перестройки», но это принципиальный вопрос и, чтобы такое сказать, требуется серьезный анализ. После такого анализа надо еще и указать пункт времени, к которому был сделан этот анализ, как это положено при сравнении двух динамических процессов.

Такой анализ можно провести на примере выборов кандидатов для рекомендации на пост директора нашего исследовательского института. Такое сложное определение означает всего лишь, что коллектив института только рекомендует своих кандидатов, выражая им вотум доверия, а общее собрание Академии наук проведет потом собственно выборы – «выборы-не-выборы», так сказать.

Институт стал здесь, в регионе, печально известен своими скандальными, опубликованными в прессе историями. Это говорит о том, если не вдаваться в детали, что в нем существует много внутренних проблем, которые необходимо решать, но которые не решаются и поэтому все дальше углубляются и обостряются. С такой предысторией и шел коллектив института на эти «выборы-не-выборы», которые длились больше десяти часов. Это был плебисцит – общее собрание всех сотрудников, которое осталось, как хороший роман, без однозначного финала.

Но одно было все же достигнуто, а именно: собрание дало всем участникам понять, что проблемы института заключаются не в единичных интригах и природной неуживчивости ученых между собой, а что они гораздо сложнее, гораздо глубже и гораздо масштабнее. В этих проблемах находят отражение проблемы всей нашей науки и даже проблемы всего нашего общества, необходимость решения которых и вызвала к жизни Перестройку.

Это собрание показало процентное соотношение между двумя силами. Одну представляют собой те, кто видит решение проблем прежде всего в изменении хозяйственных отношений в институте и предлагают конкретные концепции и программы для этого. Такие, например, как консолидация многообразных и почти не связанных друг с другом научных тем, повышение творческой инициативы ученых путем устранения администрирования их научной работы, гарантирования их независимости и самостоятельности, финансирования на конкурентной основе только обещающих успех тем и так далее.

Вторая сила характеризуется тем, что ее представители забарикадировались в глухой обороне и не хотят видеть за раздуваемыми успехами нарастающих проблем или спешат свести эти проблемы к единичным склокам. Политика «спокойной руки» то есть. По принципу: нет опознаваемых

проблем – нечего и решать. Естественно и хорошо известно для такой позиции, размалевывать много розовых и глобальных перспектив, а также предлагать громкие призывы и лозунги, вместо конкретных решений и программ.

Таким образом, эти «выборы-не-выборы» свелись все-таки к выборам за Перестройку, демократизацию, оживление хозяйственных и социально-политических отношений, с одной стороны, и против всего этого – за сохранение старых, отживших, сталинистских административно-командных методов управления с их акцентом на пробивную способность, а не на способность экономически думать и решать, с другой стороны. Результат показал, что первая сила проиграла с соотношением голосов в процентах: сорок к шестьдесяти.

Попытаемся понять, кто и что стоит за этими процентами и что должны были бы учесть демократические кандидаты в их предвыборной борьбе.

За пять прошедших со дня основания института лет сформировалось ядро сотрудников, которые получили от государства и Академии наук «кормушку», наполненную квартирами, лабораторными площадями, финансированием научных тем и высокими ставками. Несмотря на, казалось бы, понятные и объективные причины этих благоденствий, они подавались со стороны администрации и принимались со стороны этого «ядра» как результат пробивной силы директора.

Может быть пробивная сила директора и играла при этом какую-то роль, но тут уместно добавить «к сожалению», поскольку это только деморализует людей и уж во всяком случае не стимулирует эффективность их работы и экономически разумные отношения на предприятии, если благополучие сотрудников зависит не от их производительности, а от какой-то сверхестественной пробивной силы начальника и великодушия государства.

Главная «заслуга» пробивного директора состояла при этом только в том, что он эти выделенные не для кого-то лично, а для института в целом – для его скорейшего становления и развития – блага превратил в «кормушку» для «ядра», которое находилось и находится под эгидой и руководством директора. Об этом говорилось на собрании, и вопрос одного из руководителей из «ядра», в чем конкретно состоят их привилегии, имел с очевидностью больше риторическое значение.

Размеры любой «кормушки» ограничены, но размеры института, не взирая на это и вопреки этому, росли дальше. Рост был быстрый и больше количественный, чем качественный – безо всякого отбора специалистов под уже сложившуюся и оправдавшую себя или запланированную тематику, что само по себе было бы только разумным и гарантировало бы рост эффективности научной работы. Это соответствовало бы также державным интересам и стоящим перед институтом задачам.

Но это требовало бы также известных усилий и длительного времени, что затянуло бы формальную стадию формирования института, а это было вовсе не в интересах директора. Он претендует в сложившихся обстоятельствах на роль крупного организатора науки.

Эта роль поощряется в нашем государстве – к сожалению, надо снова добавить – членством в Академии наук и поэтому подменяет зачастую роль просто крупного ученого, за которым стоит не многочисленный коллектив, а

какая-то, если и небольшая, но утвердившаяся на высоком научном уровне, научная школа.

В этой ситуации вновь пришедшим сотрудникам директором была отведена подходящая его целям роль примитивного «поголовья». Им уже не хватало больше ни квартир, ни площадей и оборудования, то есть места у «кормушки». Ничего, кроме голых и в основном скудных ставок, но зато много щедрых посул директора.

От них не так много и требовалось – ни научной или еще какой бы то ни было продуктивности, кроме той, возложенной партией испокон веков на ученых – ввиду недееспособности колхозов – обязанности, исполнять сельскохозяйственную сезонно-принудительную работу. От них по молчаливому соглашению требовалась только лояльность по отношению к администрации, то есть тихо сидеть, представлять собой «поголовье» и ждать теперь уже в порядке очереди – время же все равно проходит – обещанных им благ.

Как «ядро», так и «поголовье», хотя конечно же не все из них, представляют собой тех самых «механизаторов от науки», которые оплачиваются не за их результаты, а «от колеса» и, соответственно, упорно сопротивляются – точно так же, как партийные функционеры и администраторы времен застоя – любым социальным и экономическим реформам.

Эти силы сопротивления определил четко и ясно Горбачев руководителям средств массовой информации на их встрече. Очень своевременное и уместное определение, поскольку мы действительно ополчились на руководящие кадры и забыли при этом, что никакие административные кадры не смогли бы организовать сколь-нибудь серьезного сопротивления начинающейся демократизации без разваленных экономически и обработанных идеологически масс. Не только кадровые работники на стороне директора, а шестьдесят процентов голосовавших сотрудников нашего института высказались против любых перемен в нем!

Но что же и кто определяет сорок процентов голосов за демократических кандидатов? Здесь можно не увлекаться умозаключениями, поскольку эти сотрудники выступали открыто как в предвыборной борьбе, так и перед собранием, тогда как шестьдесят процентов сидели молча и глухо.

Только однажды пронесся ропот недовольства среди этих глухо-немых в зале, когда председательствующий между делом заметил, что один из высокопоставленных членов Академии высказался за одного из наших демократических кандидатов. Конечно председательствующий допустил тут со своим замечанием процедурную оплошность, но право же не такую уж достойную этого ропота и принципиально повлиявшую на исход выборов оплошность.

Вряд ли смутило это обстоятельство избирателей с принципами. Это смутило именно тех, кто сплотившись вокруг «начальника кормушки» с его мнением, услышали, вдруг, альтернативное мнение более высокого начальника той же «кормушки». О каких принципах может быть тут речь! Этот ропот напоминал дребезжание флюгера, подвергнувшегося резкому порыву бокового ветра.

К этим сорока процентам наверняка принадлежат физики-теоретики, которых исторически – по времени образования института – можно было бы

скорее отнести к «ядру», но профессиональная специфика которых привела их все же к более гражданской позиции. Эта специфика не допускает работы без творческой инициативы и в условиях, при которых фундаментальные исследования полностью заадминистрированы и находятся в загоне.

Из «поголовья» сюда однозначно вошли те «дикие», которые пришли в институт уже зрелыми учеными с собственными научными темами и опытом научных исследований, а также с достаточным для реализации этих исследований потенциалом и которые не позволили себя усмирить. Естественно, они не были согласны с отведенной им ролью «поголовья» и пытались использовать их потенциал и найти общность их тем с научной тематикой института, обширность которой легко – с научной точки зрения – позволила бы это сделать.

Но это с научной. С житейской же это означало бы допустить этих «диких» новичков к «кормушке», что могло бы грозить перехватом инициативы, а значит отторжением от «кормушки» прежних ее членов, что опять же в глазах «ядра» было бы уж совсем недопустимо.

Вследствие этих господствующих не только в науке отношений и этой логики, никакие научные семинары, никакие ученые советы не способны и не стремятся к тому, чтобы оспорить личное мнение какого-то носителя жезла у «кормушки» в том или ином научном направлении, опровергнуть его в продуктивной дискуссии и тем самым заложить новое, более эффективное направление. Всемирно известным, трагическим следствием таких культурных отношений является Чернобыль, если вспомнить научную предысторию этой атомной катастрофы.

Теоретики и «дикие» все же не составляют большинства этих сорока процентов. Большинство и здесь принадлежит какой-то части массы. Этот факт утешает и обнадеживает на грустном фоне в общем и в целом безутешного результата этих забавных «выборов-не-выборов».

Хочется надеяться, что в этой части массы находится наша научная молодежь, которая не имеет сейчас ни малейшего шанса для научного роста, но которая не позволит лишиться себя ее творческой силы, любопытства и научной ярости ни с помощью «кормушки», ни с помощью отведенной им директором роли «поголовья».

Некоторые альтернативные программы призывали перед собранием к использованию творческой силы молодежи, но не были услышаны. Если уж вся страна, согласно призывам Горбачева, стоит перед необходимостью использования творческой инициативы масс, то это просто дурдом, голосовать «за» или «против» применения творческой способности и инициативы ученых в академическом научном институте!

Сейчас, пожалуй, эти сорок процентов избирателей даже рады тому, что это были все-таки «выборы-не-выборы», а не настоящие выборы и что все еще есть надежда на разумное решение в Академии наук. Надежда на решение «сверху» – вот так демократия!

Спаси нас Бог, провести правильные выборы во всем нашем обществе, в котором действуют те же самые «кормушечные» отношения как для всего административного аппарата, так и для зарабатывающих от колеса механизаторов.

Если выйдет новый избирательный закон, о котором говорил Горбачев на той же встрече с руководителями средств массовой информации и который, в отличие от наших «выборов-не-выборов», обещает нам свободные и демократические выборы, то меня после этого пережитого среди ученых демократического опыта заботит одно – как бы мы не выбрали себе добровольно, по нашей глупости или своекорыстию, какое-нибудь реакционное правительство, как это произошло недавно в Чили.

Чтобы этого не случилось и чтобы иметь от демократии прогресс, необходимо еще много учиться демократии! Даже ученым, как показывает этот опыт. Преимущества демократии должны быть поняты массой и должны быть убедительны для нее. Иными словами – демократия требует борьбы за умы и души людей массы, но честной и принципиальной борьбы.

Этой борьбы не случилось в нашем институте ни перед собранием, ни во время него. Тем более опыт этих выборов и его анализ должны помочь обходиться с демократией в будущих демократических боях – и не только в нашем институте, но и во всей стране – осторожно и мудро и все время учиться ей дальше. Для этого любой, даже небольшой и неудачный демократический опыт должен обобщаться для широкой публики и становиться ее демократическим достоянием.»

*